

Екатерина Мордвинцева

Тюльпаны для Анны

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

Мордвинцева Е.

М79 Тюльпаны для Анны / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 208 с.

ISBN 978-5-524-00448-2

Учительница, тайный поклонник, букет без подписи и запрет на чувства. Анна привыкла жить по правилам: работа, тетради, книги. Но когда в её жизни появляется Алексей – отец ученика с тёмными глазами и печальной улыбкой, – привычный мир рушится. Он дарит цветы, приглашает на ужин, но Анна отказывает, уверенная, что он несвободен. Сможет ли она признать свою ошибку и поверить в любовь, когда обстоятельства против них?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00448-2

© Литнет, 2026

© Мордвинцева Е., 2026

Пролог

Будильник зазвенел в 6:45, и я машинально нажала на кнопку «отбой», даже не открывая глаз. Этот звук стал настолько привычным за восемь лет работы в школе, что мой организм выработал идеальный механизм: проснуться ровно за полчаса до выхода, не впадая в панику, но и не позволяя себе роскоши долго нежиться в постели.

За окном ещё темно. В начале марта солнце только начинает свою борьбу с остатками зимней ночи, и в шесть утра за окном всё ещё царит серо-синяя дымка, которую так любят художники-импрессионисты. Я потянулась, чувствуя, как приятно ноют мышцы после вчерашнего спонтанного решения пройтись пешком от школы до дома. Зима в этом году выдалась затяжная, слякотная, такая, когда уже к февралю начинаешь ненавидеть серое небо, вечные лужи под ногами и необходимость таскать с собой тяжёлое пальто, которое, кажется, весит больше тебя самой.

Но сегодня... Сегодня в воздухе чувствовалось что-то другое.

Я села на кровати, потирая глаза. Даже сквозь плотные шторы пробивался какой-то особенный свет – не резкий, зимний, а мягкий, обещающий. Я отодвинула ткань и замерла.

Небо на востоке начинало розоветь. Самой нежной, едва уловимой акварелью, словно какой-то невидимый художник смешал на своей палитре каплю алого с большим количеством молока и воздуха. Деревья за окном всё ещё стояли голые, но их чёрные ветви казались уже не мрачными, а графичными, как на старинных японских гравюрах. А где-то между ними, на самом кончике одной ветки, я заметила крошечную набухшую почку.

Март.

Я улыбнулась своим мыслям, хотя обычно в шесть утра я не улыбаюсь ничему, кроме чашки крепкого чёрного чая. Сегодня был особенный день. Среда, шестое марта. До праздника оставалось

два дня, но главное – сегодня был последний учебный день перед длинными выходными.

Четвёртое и пятое мы отдыхали, а седьмого числа в школе проводился традиционный утренник для младших классов, который меня, слава богу, не касался. То есть сегодня – последний урок, а потом три с половиной дня свободы.

Три с половиной дня, когда можно не проверять тетради до полуночи, не придумывать, как объяснить семиклассникам, почему «Евгений Онегин» – это не скучно, и не выслушивать жалобы завуча на то, что в журналы вовремя не выставлены оценки.

Я чувствовала себя почти счастливой.

Ванная комната встретила меня привычным холодком кафеля и запахом мятной зубной пасты. Я смотрела на своё отражение в зеркале и пыталась быть объективной: двадцать восемь лет, русые волосы до плеч, которые вечно приходится собирать в пучок, потому что распущенные они выглядят слишком... по-девчоночьи, что ли. Серые глаза, которые коллеги называют «пронзительными», а ученики – «строгими». В меру бледная кожа, которой не хватает солнца, и несколько веснушек на переносице, которые я втайне считаю своей единственной милой чертой.

– Анна Сергеевна, – сказала я своему отражению шёпотом, как делаю каждое утро, настраивая себя на рабочий лад. – Сегодня будет хороший день.

Я выбрала платье. Не потому, что предстояло что-то особенное, а просто потому, что захотелось. Серое, вязаное, с высоким воротом и длинными рукавами – оно было удобным, тёплым и при этом не таким скучным, как мои обычные брючные костюмы. Я добавила к нему шарф цвета лаванды – подарок подруги Лены на прошлый день рождения, который до сих пор лежал в шкафу, дожидаясь «особого случая».

«А почему бы и нет?» – подумала я, завязывая его свободным узлом. – «Сегодня последний день перед выходными. Это уже особенный случай».

Чай я пила на кухне, стоя у окна и наблюдая, как город просыпается. Моя квартира находилась на четвёртом этаже старой сталинской пятиэтажки, и из окна открывался вид на крошечный сквер с тремя старыми липами и детской площадкой. Сейчас сквер был пуст, только дворник в оранжевом жилете размеренно двигал метлой по ещё влажному асфальту, собирая остатки прошлогодней листвы.

В семь пятнадцать я вышла из дома.

Воздух был именно таким, как я люблю: холодным, но уже не зимним, без той колючей жестокости, которая заставляет щипать щёки до красноты. В нём чувствовалась влажность, запах тающего снега, прелой листвы и чего-то ещё – неуловимого, едва уловимого, того самого «запаха весны», который невозможно описать словами, но который узнаёшь с первого вдоха.

Я натянула перчатки, поправила сумку на плече и пошла к остановке. До школы было двадцать минут пешком, но сегодня мне хотелось пройтись, вдохнуть этот утренний воздух сполна, почувствовать, как настроение поднимается с каждым шагом.

Город в это время суток принадлежит тем, кто вынужден вставать рано. Учителя, врачи, продавцы в маленьких булочных, водители троллейбусов. Мы все выглядим немного сонными, немного замученными жизнью, но при этом нас объединяет какое-то странное братство: мы видим город таким, каким его не видят те, кто просыпается в девять. Мы знаем, как красиво розовеет небо над крышами хрущёвок, как пронзительно синими становятся лужи в рассветном свете, как звонко щебечут воробьи на голых ветвях, предвкушая тепло.

Я шла медленно, никуда не торопясь. До школы я всегда выходила с запасом, и сегодняшние двадцать минут я могла растянуть на полчаса, позволяя себе останавливаться у витрин ещё закрытых магазинов, рассматривать афиши на остановках, улыбаться прохожим просто так, без причины.

На углу улицы Советской и переулка Школьного я заметила цветочный киоск. Он уже работал – маленький, ярко-зелёный, похожий

на игрушечный домик. Из его открытого окошка тянуло запахом свежих цветов и земли. Я невольно замедлила шаг, разглядывая букеты, выставленные в вёдрах.

Тюльпаны. Много тюльпанов. Красные, жёлтые, розовые, фиолетовые, двухцветные – они стояли плотными рядами, как маленькая армия, готовящаяся к своему главному сражению. Восьмое марта приближалось, и цветочный бизнес входил в свою штормовую фазу.

Я задержала взгляд на оранжевых. Самых ярких, почти светящихся в сером утреннем свете. Они выглядели так, словно кто-то собрал в их лепестках всё тепло уходящего лета и спрятал до весны.

– Девушка, купить? – раздался хрипловатый голос продавщицы, полной женщины в пуховом платке. – Хорошие тюльпаны, свежие. К празднику дороже будут.

Я улыбнулась и покачала головой.

– Спасибо, не надо. Я так, люблюсь.

– Любоваться можно, – философски заметила женщина. – Но лучше дарить. Или принимать.

Я пошла дальше, оставив её слова висеть в утреннем воздухе.

«Принимать». Давно я ничего не принимала в подарок от мужчин, если не считать прошлогодний шарф от Лены, который она вручила мне со словами: «Носи, хоть кто-то же должен тебя баловать».

В моей жизни давно уже не было цветов. И ухаживаний. И вообще мужчин, если честно. Последние отношения закончились три года назад, и я до сих пор не могла понять, то ли я действительно настолько занята работой, то ли просто разучилась впускать кого-то в своё личное пространство.

Школа показалась вдали – большое трёхэтажное здание из красного кирпича, построенное ещё в шестидесятых, но ухоженное и даже уютное. Перед главным входом росли две огромные берёзы, которые летом давали густую тень, а сейчас стояли голые, но уже не казались мёртвыми – в их ветвях тоже набухали почки.

Я поднялась на крыльцо, толкнула тяжёлую деревянную дверь и шагнула в царство казённого тепла, запахов мела, дешёвого освежителя воздуха и школьной столовой, откуда всегда тянуло выпечкой.

Вахтёрша тётя Галя уже сидела на своём месте – монументальная, в цветастом халате поверх тёплого свитера, с очками на самом кончике носа. Она подняла на меня глаза поверх газеты, которую читала, и кивнула:

– Анна Сергеевна, доброе утро! Рано вы сегодня.

– Доброе, тётя Галя. Решила пройтись пешком, вот и вышла пораньше.

– Хорошо пешком, полезно, – одобрила она. – А то всё на своих ногах, всё бегом-бегом. Весна уже, надо воздухом дышать.

– Согласна, – улыбнулась я, расписываясь в журнале прихода.

– Там это... – тётя Галя замаялась, словно подбирая слова. – В учительской вам сюрприз. Я не знаю, кто, но принесли рано утром, ещё до семи.

Я подняла бровь, но не стала расспрашивать. Мало ли сюрпризов бывает в школе? Обычно это означает, что кто-то из коллег испёк пирог к чаю или завуч разложила на столах методические материалы.

– Спасибо, сейчас посмотрю.

Я прошла по длинному коридору первого этажа, мимо стенда с грамотами, мимо расписания звонков, мимо двери в столовую, откуда уже доносился звон посуды и голоса поваров. Лестница на второй этаж привычно скрипнула под моими ногами. Я поднималась медленно, наслаждаясь этой утренней тишиной, которая бывает в школе только в первые полчаса после открытия – пока не пришли ученики, пока коридоры не наполнились детским гомоном, топотом ног и криками «Здрасьте!» на все лады.

Учительская находилась в конце коридора второго этажа, рядом с кабинетом директора. Дверь была приоткрыта, и изнутри лился мягкий свет – кто-то уже включил лампы.

Я толкнула дверь и шагнула внутрь. И замерла на пороге.

На моём столе стоял букет.

Не маленький скромный букетик, который иногда дарят ученики после праздничных концертов, когда кто-то из родителей вспоминает, что надо бы поздравить учителя. Нет. Это была огромная, роскошная охапка цветов, которая, казалось, занимала половину столешницы.

Я не могла пошевелиться. Не могла отвести взгляд. Не могла даже вдохнуть, потому что воздух в учительской вдруг наполнился таким ярким, густым, сладковатым ароматом, что у меня закружилась голова.

Тюльпаны. Солнечно-жёлтые и пламенно-оранжевые, переплетённые в сложную композицию с веточками зелени, с мелкими белыми цветами, названия которых я не знала, с тонкими стеблями какого-то ползучего растения, которое мягко спадало по краям вазы. Ваза тоже была не простой – не стандартная школьная, из тех, что мы используем для гербариев или забытых кем-то букетов. Высокая, прозрачная, с затейливыми гранями, преломляющими свет так, что по стене бежали крошечные радужные зайчики.

Я медленно подошла к столу, словно боясь спугнуть это чудо. Пальцы сами собой потянулись к лепесткам – нежным, бархатистым, ещё прохладным, словно цветы только что принесли с улицы.

Двадцать один. Я пересчитала. Двадцать один тюльпан – три букета по семь, переплетённых в один. Семь – это число удачи, как любила говорить моя бабушка. А трижды семь – это...

Я не знала, что это. Я вообще ничего не знала в этот момент.

Взгляд упал на маленькую открытку, зажатую между стеблями. Белый картон, без рисунка, без виньеток, просто маленький прямоугольник, на котором чьим-то уверенным, красивым почерком было выведено: «Улыбнитесь весне. Вы её украшение».

Я перечитала эту фразу раз, другой, третий. Сердце билось где-то в горле, и я чувствовала, как кровь приливает к щекам, делая меня похожей на ту самую школьницу, которой кто-то впервые признаётся в любви.

Ни подписи. Ни намёка на отправителя. Ничего.

– Ого! – раздался звонкий голос за моей спиной, и я вздрогнула, едва не уронив открытку. – Анна Сергеевна, это вам?!

Я обернулась. В дверях стояла Марина, молодая учительница английского, которая работала в школе второй год и всё ещё смотрела на мир с восторгом новичка. Её глаза были размером с блюда, а рот растянулся в восхищённой улыбке.

– Похоже, что мне, – сказала я, пытаюсь придать голосу спокойствие, которого совершенно не чувствовала.

– Это потрясающе! Какие они красивые! – Марина подлетела к столу, протягивая руку, чтобы дотронуться до лепестков, но в последний момент отёрнула её, словно боялась испортить. – Это кто? От кого?

– Не знаю, – честно призналась я. – Записка без подписи.

– Без подписи? – Марина взяла открытку, прочитала фразу вслух и издала какой-то странный писк. – «Вы её украшение»... Это же... Это же романтично! Это очень романтично! Тайный поклонник!

– Не говори глупости, – я попыталась улыбнуться, но голос предательски дрогнул. – Может быть, это просто... Ну не знаю. Акция какая-нибудь. Или ошиблись адресом.

– Ошиблись адресом? – Марина посмотрела на меня с таким выражением, словно я сказала, что земля плоская. – Анна Сергеевна, на вашем столе. С запиской, где написано именно вам. Это не ошибка.

Я открыла рот, чтобы возразить, но не нашла слов. Потому что она была права. Это не могло быть ошибкой.

– Ладно, – сказала я, отводя взгляд от букета и направляясь к своему стулу. – Мне нужно готовиться к уроку. Первый – седьмой «Б».

– Вы даже не попытаетесь узнать, от кого? – не унималась Марина.

– А как? – я пожала плечами. – Букет принесли до семи, тётя Галя не видела, кто именно. В записке ничего нет. Буду гадать?

– Может, это кто-то из коллег? – предположила Марина. – Семён Игнатьевич? Он на прошлой неделе стихи на перемене читал.

Я фыркнула. Семён Игнатьевич, учитель физкультуры шестидесяти двух лет, был известным поэтом-любителем и писал стихи решительно всем женщинам в школе – от директора до уборщиц. Но букеты он не дарил никогда, ограничиваясь распечатанными на принтере листочками с четверостишиями.

– Вряд ли. Тюльпаны дорогие, а Семён Игнатьевич экономит на всём, даже на бумаге для принтера.

– Тогда родители? – продолжала допытываться Марина. – У вас же семиклассники, у них родители молодые. Может, кто-то из пап...

Я поморщилась. Эта тема всегда вызывала у меня неловкость. Родительские комитеты, собрания, индивидуальные беседы – всё это было частью работы, но когда дело касалось личного, я предпочитала держать дистанцию. Учитель и родитель – это разные берега, и переходить их я считала непрофессиональным.

– Марина, – твёрдо сказала я. – Мне правда нужно готовиться. Она поняла намёк, но на прощание бросила:

– Всё равно это очень красиво. И очень романтично. Вы хоть улыбнитесь весне, как написано.

Она вышла, и я осталась одна с букетом, который, казалось, заполнил собой всю учительскую, отвоевав у серых стен и старой мебели маленький островок весны.

Я села за стол, пытаясь сосредоточиться на конспекте урока. Мы проходили с седьмым «Б» «Станционного зрителя» Пушкина. Тема была отработанная до мелочей: я знала, что скажу, какие вопросы задам, где сделаю паузу, где приведу пример из современной жизни. Но сегодня слова путались, мысли ускользали, а взгляд то и дело возвращался к тюльпанам.

«Улыбнитесь весне. Вы её украшение». Кто мог это написать?

Я перебирала в голове возможных кандидатов, хотя понимала, что это бессмысленно. Мой круг общения был до смешного ограничен: школа, дом, редкие встречи с Леной, ещё более редкие походы в театр или кино.